

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES**

УДК 316.47

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Беляев В.А.¹
Мингазова А.М.²**Отношение разных поколений населения Татарстана
к экстремизму как фактор снижения межконфессиональной
напряженности**

¹ Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ
ул. Карла Маркса, д. 10, г. Казань, 420111, Россия
kai@kai.ru

² Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ
ул. Карла Маркса, д. 10, г. Казань, 420111, Россия
kai@kai.ru

*Статья поступила 27 ноября 2018 г.; Принята 3 февраля 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. В статье анализируется степень распространенности радикальных и экстремистских убеждений и установок в области межконфессиональных отношений среди представителей разных поколений. Для этого был проведен массовый опрос населения Республики Татарстан, показавший отсутствие понимания большинством респондентов феномена экстремизма и мер, позволяющих предотвратить его проявления. Русские чаще отождествляют оппозиционность и экстремизм, а татары в большей мере осознают возможность существования неэкстремистской оппозиции. Различие в позициях татар и русских, по нашему мнению, генерировано долговременной пропагандой властей Татарстана исторического характера государственности татар. Неумение населения выделять специфику экстремизма говорит об изъянах как в правоприменительной практике, так и в работе СМИ и прежде всего свойственно старшим поколениям респондентов. Опрос раскрыл отсутствие сформировавшегося мировоззрения у молодого поколения, которое по своей природе склонно к максимализму и «черно-белому» восприятию социальной реальности. Выявлено отношение опрошенных к основным направлениям политики государства в конфессиональных отношениях, способных минимизировать или усилить межрелигиозную напряженность. Оценена социальная активность разных поколений опрошенных в сфере участия в массовых акциях протеста. Радикальные, а тем более экстремистские взгляды категорически не принимаются всеми поколениями населения Республики Татарстан, что позволяет удерживать межконфессиональную стабильность в регионе. Показательно, что у более старших поколений, сформировавшихся еще в СССР, взгляды на дистанцирование религии от государства не зависят от политической конъюнктуры. Очевидно неприятие старшим поколением новых форм

распространения взглядов (через интернет), тогда как юные респонденты, наоборот, выделяют массовые уличные действия. В то же время узкий сегмент преимущественно молодежи способен превратиться в мобилизационную базу трансляции крайних убеждений и радикальных акций.

Ключевые слова: экстремизм; радикализм; терроризм; межконфессиональная напряженность; поколение «застоя» и поколение «реформ»; политический абсентеизм; политическая индифферентность.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, политикоэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)».

Информация для цитирования: Беляев В. А., Мингазова А. М. Отношение разных поколений населения Татарстана к экстремизму как фактор снижения межконфессиональной напряженности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 1. С. 25-38, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Vladimir Al. Belyaev
Aliya M. Mingazova

Attitude of different generations of the population of Tatarstan
to extremism as a factor in reducing interfaith tension

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev–KAI
10 Karl Marx St., Kazan, 420111, Russia
kai@kai.ru

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev–KAI
10 Karl Marx St., Kazan, 420111, Russia
kai@kai.ru

*Received on November 27, 2018; Accepted on February 3, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The article analyzes the prevalence of radical and extremist beliefs and attitudes in the field of interfaith relations among representatives of different generations. For this, a mass survey was conducted, which showed that most respondents, the residents of the Republic of Tatarstan, did not understand the phenomenon of extremism and the measures to prevent its manifestation. Russians more often identify opposition and extremism, and Tatars are more aware of the possibility of non-extremist opposition. The difference in the positions of Tatars and Russians, in our opinion, is generated by the long-term propaganda of the Tatarstan authorities of the historical nature of the statehood of the Tatars. The inability of the population to single out the specifics of extremism indicates both to inadequate law enforcement practice and flaws in the work of the media and above all characteristic of older generations of respondents. The survey has revealed the absence of a developed understanding in the younger generation, which by its nature is prone to maximalism and “black and white” perception of social reality. It has also revealed the respondents’ attitude to the main directions of state policy in confessional relations that can minimize or increase inter-religious tensions. The social activity of different generations of respondents in the area of participation in mass protests was evaluated. Radical, and even more extremist views are categorically rejected by all

generations of the Republic of Tatarstan population, which allows maintaining interfaith stability in the region. It is significant that among the older generations that were formed in the USSR, the views on the distancing of religion from the state do not depend on the political situation. Obviously, the older generation does not accept new forms of disseminating views (via the Internet), while young respondents, on the contrary, prefer mass street actions. At the same time, a narrow segment of predominantly young people is able to turn into a mobilization base for the transmission of extreme convictions and radical actions.

Keywords: extremism; radicalism; terrorism; inter-confessional tension; generation of "stagnation" and a generation of "reforms"; political absenteeism; political indifference.

Information for citation: Belyaev, V. A. and Mingazova, Al. M. (2019), "Attitude of different generations of the population of Tatarstan to extremism as a factor in reducing interfaith tension", *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 25-38, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Введение (Introduction). В целом ряде регионов России нарастает экстремистская и террористическая деятельность. В последнее время органы ФСБ начали все более эффективно реагировать, предотвращать и купировать ее проявления. Это лежит в рамках общемировых трендов. Акции террористов и экстремистов докатились уже до Новой Зеландии. Разрастание экстремизма способно полностью подорвать межконфессиональную стабильность и толерантность, в том числе в регионах России. В то же время большую роль в идейной изоляции экстремизма могло бы сыграть общественное мнение. Однако оно далеко еще не сформировано, не имеет четких ориентиров в определении экстремизма и путей борьбы с ним.

Методология и методы (Methodology and methods). Вместе с тем далеко не все государственные органы и исследователи на Западе и в России адекватно трактуют само понятие экстремизма, соответственно, неточно выявляют его источники и ресурсы, что требует дальнейшей научной и законодательской проработки. В 2010-е годы за рубежом и в нашей стране появилось множество работ, посвященных исследованию экстремизма и технологий борьбы с ним. Западная научная литература, выделяя причины и факторы экстре-

мизма, чаще всего раскрывает их специфику именно в своих странах, что не всегда адекватно российским реалиям (Christmann, 2012; Coolsaet, 2012; Kumar, 2012; Thomas, 2012; Trilling, 2012; Pickering, 2014; Schmid, 2014; Posluszna, 2015). Конечно, общее место для всех видов экстремизма представляет собой присущая ему идеологизация любой социальной проблемы, причиной чего является отсутствие привлекательной и приемлемой для всего населения государственной идейной системы и нерешаемость иным, ненасильственным путем вопросов социальной несправедливости (Бааль, 2012; Петрищев, 2013; Косов, Панин, 2014; Грачев, Сорокин, 2015; Тушкова, 2018; Беляев, 2018). Вместе с тем, среди факторов, порождающих экстремизм на Западе, главным представляется аксиологический конфликт, столкновение между идейными ценностями традиционного общества (таких приоритетов, как государство, нация, религия и семья, по непонятным причинам часто приписываемых лишь консервативной идеологии) и новейшими, навязываемыми ценностями постмодерна в виде агрессивной пропаганды и политики глобализации, атаки на религию, семью и государственный суверенитет всех стран, кроме США, и диктата меньшинств над традициями большинства. В России этот конфликт по-

ка не выходит на первый план, господствует политика, основанная как на традиционных ценностях, так и на современных (городских), но не постмодернистских (Беляев, Мингазова, 2017). Поэтому в качестве главного фактора генезиса экстремизма в России можно назвать далеко не полное соответствие политики государства названным современным ценностям, то есть социально-экономические предпосылки экстремизма. Это прежде всего гигантский разрыв в доходах соотечественников, которого не было в России на протяжении уже целого века и которого не наблюдается в иных развитых странах. Он приводит к аномии и фрустрации сознания не только приезжающих мигрантов, но и местных жителей (Калимуллина, Беляев, 2017), к деквалификации и маргинализации миллионов россиян, к утрате ими уверенности в завтрашнем дне и возможности строить долговременные жизненные программы.

В литературе практически не раскрывается генерационная специфика оценок экстремизма, что потребовало специального исследования. Надо сказать, что поколенческая самоидентификация является более лабильной, изменчивой и неустойчивой, нежели конфессиональная. Можно согласиться с точкой зрения К. Маннхейма о том, что понятие «поколение» детерминируется далеко не только биологическими параметрами (возраст), но и особыми реперными точками в судьбе людей, служащими маркерами идентификации человека с определенным поколением, то есть важнейшими событиями, происшедшими на период социализации и духовного становления определенного поколения, формирующими особую ментальность последнего (Mannheim). Относить ровесников к одному поколению, по Маннхейму, можно лишь в случае их совместного участия в социальных и интеллектуальных процессах своего времени, их переживания опыта взаимодействия сил, сформировавших ту или иную ситуацию (Mannheim). Отечественный социолог

Ю. Левада, соответственно, выделил по три зримых человеческих поколения в столетие, которые к тому же разделены на массовые (в условиях мировых войн и др.) и элитарные. Среди этих поколений для нас важнее всего:

1) поколение «оттепели», люди, родившиеся в конце 1920-х – начале 1940-х гг., свободные от массового страха и надеявшиеся на гуманизацию социализма;

2) поколение «застоя» – это люди, родившиеся в 1944-1968 гг., ориентированные на массовое потребительство и наиболее деидеологизированные.

3) поколение «перестройки» и «реформ», люди, родившиеся с 1969 года (Левада).

Мы можем выделить также представителей нового поколения миллениалов, чье становление пришлось на начало XXI века, на период стабилизации общественной жизни и сознания.

На наш взгляд, можно согласиться с такой типологией поколений, если признать то, что причисление человека к определенному поколению детерминировано не только возрастом и общественным мнением о поколенческой идентичности данного возраста, и даже не столько самовосприятием человека, связанным с его физическим самочувствием, и, как следствие, восприятием человека другими людьми. Не во всем можно согласиться и с К. Маннхеймом и Ю. Левадой о социальной обусловленности поколенческой идентификации. Вышеназванные объективные детерминанты на практике зачастую «гасятся», вступая в перекрестный конфликт с субъективными факторами. По нашему мнению, не меньшую роль играют и семейные обстоятельства, особенности персонального жизненного опыта отдельных людей. Поэтому вхождение в то или иное поколение является более условным, ибо детерминировано еще и наличием ближайших родственников более старшего и младшего возраста по прямой линии (родителей, детей, старших или младших братьев и сестер). Так, до тех пор, пока роди-

тели человека живы и работоспособны, он чаще всего будет причислять себя к молодому поколению, независимо от собственного возраста. В ряде случаев в качестве таких детерминант служит наличие старших братьев и сестер. Появление же детей в большинстве случаев приводит к генезису представления о себе и супруге как о среднем поколении. Тем самым условное поколение может не совпадать с возрастным, юность и молодость могут продлеваться, а иногда, наоборот, зрелость появляется в весьма юном возрасте.

В отличие от этого, конфессиональная идентичность более стабильна, и, на первый взгляд, полностью детерминирована религиозной принадлежностью родителей. Наличие поликонфессиональной среды в Республике Татарстан оказывает свое воздействие на идентификацию, когда принадлежность к определенной религии становится этническим (или суперэтническим) маркером, и, наоборот, причисление себя к мусульманам может быть следствием отождествления себя с татарской общиной.

Принципиально невозможно искоренить и даже минимизировать проявления экстремизма без элиминации его социальных корней, для чего в данной работе проведено и социологическое исследование предмета. Если в предыдущей статье одного из авторов были показаны итоги опроса лишь молодежи Республики Татарстан (Беляев, 2018), то в дальнейшем было проведено исследование оценок экстремизма среди всех генерационных групп населения РТ. Так, в рамках нашего проекта в конце 2017 года было опрошено 1,480 человек, из них 613 русских, 669 татар, остальные – иных национальностей. Респонденты в возрасте до 24 лет составили 16,1% от числа опрошенных, от 25 до 34 лет – 21,2%, от 35 до 44 лет – 17,5%, от 45-54 лет – 16,1%, от 55 до 64 лет – 14,5% и от 65 лет и старше – 14,5%.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Анализ вышеуказанной литературы показывает

отсутствие разделяемого всеми исследователями понимания экстремизма. Используется ряд близких к экстремизму понятий (терроризм, фанатизм, радикализм, фундаментализм), которые часто смешиваются. Фактически, исходя из объема включаемых в феномен экстремизма явлений, можно выделить три группы его трактовок:

1. *Расширительная*: когда под экстремизмом понимается любая несистемная (и даже не только антисистемная) оппозиция, без дифференциации используемых ею методов (насильственных или ненасильственных), а в религии – весь фундаментализм и салафизм. При этом, если на Западе расширительная интерпретация экстремизма приводит к подозрительности в отношении, прежде всего, мигрантов (известен случай, когда в Англии арестовали четырехлетнего мальчика из-за неверной интерпретации его рисунка с огурцами), то в России законодательство и практика ЦПЭ (Центров по противодействию экстремизму) включает в экстремистскую деятельность даже ознакомительные посты в интернете, и митинги за возвращение русскому языку необходимых часов в школах и против повышения пенсионного возраста, что привело к включению в списки экстремистов известных ученых (проф. А.Л. Салагаева, пострадавшего от подобных действий; изгонялись с работы известный борец с экстремизмом Р. Сулейманов, и противник националистического экстремизма А. Овчинников).

Все это фундировалось формулировками Закона РФ от 2002 г. с поправками от 2015 г., к экстремистской деятельности (экстремизму), помимо насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности РФ, террористической деятельности и возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни, относящими и пропаганду и публичное демонстрирование атрибутики и символики нацизма и экстремистских организаций, публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государ-

ственную должность в РФ¹. Даже включение в качестве экстремистских в законы процессов возбуждения социальной розни (допустим, ненависти к социальным группам организованных преступников, коррупционеров, олигархии) уже явно расширяет рассматриваемую трактовку и правоприменительную практику до охвата всех социалистов и коммунистов. А осуждение людей, помещающих кадры из советских фильмов на своих страницах в социальных сетях или из опубликованных статей, в которых критикуется как раз экстремизм, говорит о несостоятельности названных формулировок. Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН) неслучайно отмечает расплывчатость этой формулировки «экстремизма» в России, рекомендуя пересмотреть его с тем, чтобы она распространялась лишь на серьёзные случаи, связанные с ненавистью и насилием, и чётко изложить критерии объявления материала экстремистским.

Вместе с тем последние законодательные новеллы призваны сузить оценку объема понятия «экстремизм» путем более четкого определения цели и частотности помещения в интернет оппозиционных и критических постов.

2. *Суженная*, при которой экстремизм определяется лишь как религиозный фанатизм и приравнивается к терроризму. Эта позиция чаще всего присуща западным исследователям, хотя присутствует и в российской научной литературе. Так, в подписанной и Россией Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом записано: «экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а так-

же на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»². Тем самым ненасильственное разжигание этноконфессиональной розни выводится за рамки экстремизма.

3. Реже встречается *промежуточная трактовка*, по которой это есть особая псевдоидеология, политика и практическая деятельность, на наш взгляд, ведущая к распаду общества и провоцированию гражданских войн. Близка к этому трактовка Парламентской Ассамблеи Совета Европы: «Независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма»³. Однако необходимо отметить, что и в ней под экстремизм подводится любое отрицание лишь одной формы демократии – парламентской, т.е. понятие расширяется и способна включить любых сторонников Советов, плебисцитов и иных форм демократии.

В силу этого необходимо в науке и нормативных документах провести более четкое разведение понятий экстремизма и терроризма. Их частое смешение вызвано

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 29 апреля 2008 г.) // Российская газета. 2002. №138, 139. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 12.06.2018).

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/11340:0> (дата обращения: 12.06.2018).

³ Резолюция 1344 «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе». Парламентская Ассамблея Совета Европы. 2003. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 12.06.2018).

общей убежденностью экстремистов и террористов в необходимости незаконных действий. На наш взгляд, во-первых, экстремизм – это более широкое явление, только частью которого является терроризм. Во-вторых, экстремизм представляет собой многогранный феномен, включающий идейное фундирование, более мощную социальную среду, подпитывающую его, более разветвленную систему пропаганды своих взглядов. В-третьих, экстремизм и терроризм расходятся как по поставленным ими целям (цель нетеррористического экстремизма – привлечь как можно больше сторонников, тогда как у терроризма – запугать любых противников и колеблющихся), так и, соответственно, по используемым методам (у террористов – это убийство максимального числа мирных жителей, а у иных экстремистов – борьба лишь с государственным аппаратом и/или олигархией). В-четвертых, различна и методология понимания существующего порядка вещей, на которой строится вся их конструкция. Террористы основывают свое мироощущение на фрустрации, аномии, отчаянии и потере интереса к жизни, а остальные экстремисты – на представлении о светлом будущем. В эсхатологии последних четко прослеживается мотив компенсаторного утопического хилязма.

Согласно нашему опросу, *понимание* сущности и пределов экстремизма и его нравственно-правовая оценка в некоторой степени различаются, исходя из национальности и возраста респондентов. Так, отвечая на вопрос «*Какие действия, на Ваш взгляд, можно отнести к понятию «экстремизм»?*» (можно было выбрать не более трех вариантов), 46,5% русских респондентов и 51,0% татар выбрали вариант «Применение насилия к представителям иных взглядов», что, на наш взгляд, не характеризует специфику именно экстремизма, зато выделяет силовую его составляющую. Сравнение числа выборов, вроде бы, сходных вариантов «Призывы к свержению конституционного строя» и «Призывы к свержению действующей власти»

показывает большую популярность второго определения, который на деле уводит нас от характеристики специфики экстремизма. Первый из этих вариантов выбрали по 13,2% как русских, так и татар, а вот второй – 16,3% среди русских и 12,8% в среде татар, а во всей выборочной совокупности – 14,5%. То есть русские чаще отождествляют оппозиционность и экстремизм, а татары в большей мере осознают возможность существования неэкстремистской оппозиции.

В то же время подавляющее большинство верно оценивают саму суть экстремизма: определяют его как «Разжигание вражды и ненависти (национальной, религиозной, политической)» 65,5% опрошенных, в том числе среди русских 69,5% и среди татар 61,8%. Новые каналы трансляции крайних взглядов и мобилизации сторонников («Распространение через Интернет экстремистских идей») считают главными при характеристике экстремизма уже 30,3% респондентов (31,0% русских и 29,6% татар). Это гораздо больше числа выборов другого канала («Использование радикальных форм массового протеста»), который назвали при определении экстремизма 19,5% опрошенных, включая 20,0% русских и 19,1% татар. И гораздо меньше тех, кто в дефиницию экстремизма включает методологический аспект, присущий многим формам мышления (догматизму, схоластике, сектантству): это «Убежденность в правильности только своих взглядов (позиции) и нежелание считаться с мнением политических противников», избранный 15,6% респондентов (среди русских – 15,5%, среди татар – 15,6%). Распространенность остальных вариантов («Бескомпромиссность в борьбе с политическими оппонентами» и другие) находится в рамках статистической погрешности.

Вместе с тем заметна дифференциация характеристики экстремизма людьми из разных поколений. Определяют его как «Разжигание вражды и ненависти (национальной, религиозной, политической)» прежде всего 45-64-летние респонденты

(более 70% vs⁴ 57,1% среди юных, до 24 лет).

Описывают экстремизм как прежде всего «Применение насилия к представителям иных взглядов» люди молодого и среднего возраста, тогда как среди юных и людей старше 55 лет данный ответ не столь распространен.

Зато весьма популярными среди людей старшего возраста являются характеристики экстремизма как «Призывы к свержению конституционного строя» (28,0% респондентов старше 65 лет по сравнению с 13,2% от всей выборки) и «Призывы к свержению действующей власти» (23,8% и 13,7%, соответственно). Столь неточное определение экстремизма объясняется опасением «поколения застоя» перед любыми потрясениями (Maximova, Belyaev, Mingazova, 2018).

Что касается каналов проявления экстремизма, которое респонденты хотят ввести в его трактовку, то здесь заметно очевидное неприятие старшим поколением новых форм распространения взглядов (35,5% выбрало «Распространение через Интернет экстремистских идей» в сравнении с 23,3% респондентов моложе 24 лет), тогда как юные респонденты, наоборот, выделяют массовые уличные действия (24,5% среди самых молодых vs 12,6% пожилых).

Пожилое поколение реже выделяет методологические основы формирования экстремистских взглядов: «Убежденность в правильности только своих взглядов (позиции) и нежелание считаться с мнением политических противников» выделили 8,9% респондентов старше 65 лет по сравнению с 15,6% всего массива опрошенных; а «Бескомпромиссность в борьбе с политическими оппонентами» – всего 1,4% пожилых vs 9,0% среди юных.

Неумение населения выделять специфику экстремизма говорит об изъянах как в правоприменительной практике, так

и в работе СМИ и прежде всего свойственно возрастным поколениям респондентов.

Дифференцируются по национальности респондентов и по их возрасту и понимание мер, позволяющих предотвратить проявления массового экстремизма. Так, на вопрос «С каким из ниже перечисленных мнений Вы бы согласились, а с какими, наоборот, не согласились?» полностью согласились с вариантом ответа «Государству в России следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских» 20,1% русских и 7,2% татар (при среднем значении показателя – 13,5%); скорее согласны – 32,7% русских и 16,7% татар (24,5%); скорее не согласны – 14,8% русских и 21,9% татар (18,5%) и не согласны 20,2% и 42,1%, соответственно (31,4%). Такой разрыв объясняется как выходками националистов начала 1990-х годов, так и асимметричной кадровой политикой властей РТ и перекосами в преподавании языков в последующие десятилетия, вызвавшими беспокойство русских относительно судьбы своей культуры, а также последними событиями (отказ от двустороннего договора руководства РФ и РТ, требованиями переименования должности президента РТ и переводом изучения татарского языка из директивных в элективные курсы, рождающими опасение татар по вопросу о судьбах их культуры (Maximova, Belyaev, Laukart-Gorbacheva, 2017)).

По возрасту особой корреляции в ответах нет, хотя категорические высказывания («Полностью согласен» и «Не согласен»), как это ни парадоксально, чаще высказывают не самые юные, а люди среднего возраста, то есть те, кто пережил времена перестройки и начала реформ, распада СССР и попыток распада РФ.

Несколько иная картина вырисовывается при ответах на более умеренный вариант вопроса «Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России»: если в целом полностью с ним согласны 53,4% опрошенных, то

⁴ **Versus** – латинское слово, означающее «против». Часто сокращается до **vs**.

среди русских всего 43,8%, а среди татар – 62,2%. Скорее согласны с этим 34,3%, из них 41,4% русских и 27,9% татар. Вы брали варианты «Скорее не согласны» и «Не согласен» весьма мало респондентов, хотя и здесь виден перекося в сторону русских. Причины расхождения и в этом вопросе – те же, что и в предыдущем. По поколениям прослеживается корреляция по выбору ответа «Полностью согласен»: от 46,8% у тех, кому нет 25 лет, до 65,4% у самой возрастной категории. Выбор остальных вариантов корреляции от возраста респондентов не показывает.

Довольно жесткое неприятие опрошенных вызывает следующий тезис «*Применение силы в определённых случаях может помочь в решении межнациональных и межрелигиозных конфликтов*». Полностью согласны с этим 9,2% респондентов, в том числе 10,2% русских и 8,2% татар. Скорее согласны – соответственно, 17,4%, 20,1% и 14,8%. Скорее не согласны – 18,9, 18,5; 19,3. Не согласны – 36,3%, 32,0% и 40,3%. Налицо как неприятие большинством силовых методов подавления конфликтов (после двух войн в Чечне), так и несколько большая подозрительность татар в отношении того, что Москва может посчитать конфликтом и экстремизмом. По возрасту опрошенных прослеживается следующая корреляция: доля полностью согласны с указанным тезисом снижается с 10,7% самых юных и 13,2% молодых до 6,5% самых пожилых, что объясняется жизненным опытом последних, понимающих, что такие конфликты силой не разрешаются.

Более алармистские тезисы присущи прежде всего татарам. К примеру, суждение «*В последнее время сближение русского государства и Русской Православной Церкви ставит народы других религий в дискриминируемое положение*» полностью поддерживают 9,4% респондентов, включая 6,4% русских и 12,2% татар. Еще 11,7% опрошенных (8,6% русских и 14,7% татар) скорее согласны с этим тезисом. В то же время скорее не согласных 23,6% (25,6% и 21,7%, соответ-

ственно), и четко ответили «Не согласны» 29,0%, 37,0% и 21,5%. Тем самым гораздо большая доля татар устранилась от четкой оценки данного утверждения, но среди них намного больше и тех, чьи религиозные чувства задеваются и провозглашением Рождества Христова государственным праздником, и наличием нескольких православных телеканалов, и отсутствием всего этого у мусульман. При этом мы видим зависимость ответов от возраста респондентов: если среди юных полностью согласных с названным утверждением 15,0% и среди молодых – 14,6%, то у остальных возрастных групп четкая поддержка тезиса колеблется от 4,9% до 8,6%. Это объясняется как ответом на кампанию по защите религиозных чувств верующих среди православных, так и ростом ваххабизма именно в молодежной среде, поскольку у более старших поколений, сформировавшихся еще в СССР, взгляды на дистанцирование религии от государства не зависят от политической конъюнктуры.

Вместе с тем подавляющее большинство респондентов убеждено в отсутствии массовой питательной среды для экстремизма. Так, с тезисом «*В Татарстане удастся поддерживать межнациональное согласие, благодаря грамотной политике властей*» полностью согласны 32,0% опрошенных, включая 26,5% русских и 37,1% татар. Частично согласны с этим 39,5% респондентов (причем доли татар и русских, выбравших этот вариант ответа, одинаковы), тогда как частично не согласны – 8,1%, 9,7% и 6,6%; не согласны – 5,2%, 6,1% и 4,5%. Тем самым, опрос свидетельствует, что татар больше устраивает политика властей.

Что же касается возраста полностью согласных с национальной политикой властей РТ, то доля таковых непрерывно повышается в зависимости от возраста опрошенных: с 17,0% среди юных респондентов до 52,3% в среде пожилых.

Позитивный в оценке взаимоотношения народов РТ, но весьма критический в

отношении властей вариант «В Татарстане исторически сложилось мирное сосуществование татар, русских и других национальностей, но в последние годы из-за неграмотных действий власти эти отношения ухудшаются» полностью поддерживают 8,2% опрошенных, среди них 6,5% русских и 9,9% татар, частично – 17,2%, 20,4% и 14,2%, соответственно; скорее не согласны – 28,3%, 26,4%, 30,0%, полностью не согласны 29,2%, 28,0% и 30,3%. И в этом вопросе русские оказались более критичны. При этом доля последних (полностью несогласных) прямо пропорционально зависит от возраста респондентов: от 22,3% среди юных до 32,5% среди пожилых.

Оптимистической версии «В Татарстане маловероятно возникновение межэтнической розни» четко придерживаются 22,2% опрошенных, включая 15,7% русских и 28,2% татар. Скорее согласны с ней 36,4% респондентов (39,5% vs 33,5%); скорее не согласны – 11,5% (13,1% и 10,0%, соответственно); категорически не согласны – 6,7% (7,6% и 5,9%). Большинство опрошенных не верят в возможность межэтнического конфликта, хотя среди русских тревожность наблюдается чаще. В плане возраста респондентов прослеживается прямая зависимость роста доли твердых оптимистов: от 18,6% у юных респондентов до 30,4% у пожилых.

Последнее суждение в данном вопросе «Татары в Татарстане должны иметь больше прав и привилегий, чем представители других национальностей» явно носило несколько провокационный характер, вследствие чего подавляющее большинство и русских, и татар категорически не приемлет подобный тезис. Таковых среди опрошенных 62,0%, в том числе среди русских – 74,2%, среди татар – 50,7%. Скорее не согласны с этим утверждением 18,2%, 10,3% и 25,5%, соответственно. В то же время скорее согласны с ним 5,0% (1,2% vs 8,5%) и полностью его поддерживают всего 3,4% (2,3% и 4,5%). Различия в позициях татар и русских, на

наш взгляд, порождено долговременной политикой властей, говоривших об историческом характере государственности татар (например, председатель Верховного Совета РТ Ф.Х. Мухаметшин отмечал: «Государственность татарского народа имеет более тысячелетние традиции» (Мухаметшин, 1993)) и закрепивших в преамбуле к Конституции РТ идею о воле одного этноса как основе государственности в Татарстане («Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...»⁵). По возрастам мы видим увеличение доли полностью и скорее согласных с вышеназванным тезисом с 6,1% у юных до 14,6% у пожилых, что свидетельствует о невосприимчивости молодых респондентов к пропаганде любого неравноправия.

В анкете предлагались различные меры по обеспечению безопасности страны и граждан, борьбе с преступностью, экстремизмом и терроризмом. Такую меру борьбы с нелегальной миграцией, как «Ужесточение правил регистрации (прописки) по месту жительства» полностью поддерживают 36,1% опрошенных, среди которых чуть больше татар. По поколениям респондентов можно заметить рост твердо поддерживающих данную реформу с увеличением возраста отвечающих (от 22,7% среди юных, до 46,3% среди пожилых). Скорее поддерживают это 36,4%, причем среди русских и татар удельный вес так считающих совпадает, не прослеживается корреляция и по возрасту. Тем не менее квалифицированное большинство опрошенных стоит на позициях ужесточения правил регистрации.

⁵ Конституция Республики Татарстан (в редакции законов Республики Татарстан от 19 апреля 2002 года № 1380, от 15 сентября 2003 года № 34-ЗРТ, от 12 марта 2004 года № 10-ЗРТ, от 14 марта 2005 года № 55-ЗРТ, от 30 марта 2010 года № 10-ЗРТ, от 22 ноября 2010 года № 79-ЗРТ, от 22 июня 2012 года № 40-ЗРТ). URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> (дата обращения: 12.06.2018).

Еще более популярным является давно обсуждаемое предложение ужесточить контроль за въездом в Россию иностранных граждан, которое полностью поддерживают 57,0% (при этом русских среди них чуть больше), а скорее поддерживают – еще почти треть (среди которых русских тоже больше). Доля категорических сторонников растет с увеличением возраста (от 44,4% среди юных до 61,0% в среде пожилых).

Личный досмотр в местах массового скопления людей выбирают немного реже. Полностью поддерживают его 46,7% респондентов (русских среди них чуть больше) и скорее поддерживают – еще 40,8%. Доля твердых адептов таких мер также растет с увеличением возраста опрошенных.

«Составление списка граждан, склонных к экстремистской деятельности» также поддерживает подавляющее большинство опрошенных (полностью – 45,8%, причем русских среди них несколько больше; еще 31,6% – скорее поддерживают). Удельный вес категорических приверженцев данной меры также зависит от возраста (рост с 29,1% среди юных до 50,5% у пожилых). Меньшая популярность данной меры объясняется не всегда рационально объяснимыми действиями ЦПЭ МВД РФ по РТ.

Остальные меры гораздо менее популярны, причем в каждом случае среди поддерживающих больше колеблющихся, нежели категорических приверженцев. Так, полностью поддерживают *внедрение новых документов, удостоверяющих личность, которые содержат отпечатки пальцев* 28,8% респондентов. За эту меру больше выступают татары, нежели русские (32,6% против 24,8%). Скорее поддерживают её 31,2% опрошенных. По возрасту корреляция не обнаружена.

Твердо за *ужесточение контроля за въездом граждан России за рубеж* (27,1% всего; 24,5% русских; 29,5% татар), *формирование правоохранительными органами базы с персональными данными граж-*

дан (23,9%, 22,8% и 24,8%, соответственно) и *ужесточение контроля за распространением информации о частной жизни граждан через СМИ и Интернет* (25,8% 24,4% и 27,1%, соответственно) стоят примерно равные доли отпрошенных, причем вместе с «мягкими сторонниками» их везде больше половины. Надо сказать, что по возрасту корреляции здесь нет.

Совсем иное отношение у респондентов к *прослушиванию спецслужбами телефонных переговоров*: твердо за это выступают 8,1%, частично поддерживают – 22,1%, тогда как большинство составляют противники таких мер. Показательным является преобладание категорических сторонников данной процедуры среди пожилых (12,5%, а среди юных 3,8%). Это говорит, как о привычке к социальному контролю у поколения «застоя», так и о появлении «privacy», личного пространства, дистанцирования себя от власти среди поколения реформ 1990-2010-х годов.

Следующие два вопроса связаны с оценкой массовых *акций протеста* и собственной социальной активности респондентов. Дело в том, что в вопросах не уточнялась, о каких акциях идет речь: санкционированных властями или нет, поэтому одни респонденты подразумевали под этим протест против конкретных решений властей, другие – регулярные акции внесистемной оппозиции. В силу этого выбрали вариант отношения к людям, участвующим в акциях протеста и митингах – «С одобрением, сам принимаю в них участие» всего 2,5%, причем пик одобрения приходится на возраст 25-34-летних (7,1%), ибо большинство из них еще застало массовые митинги 1990-х годов, а более старшие поколения сформировали свое мировоззрение раньше, в период запрета массовых акций протеста. Выбрали вариант «С одобрением, хотя сам и не принимаю в них участие» еще 22,3% (25,3% – среди татар, 19,0% – среди русских, что объясняется регулярными акциями протеста национальных движений). Не одобряют такие акции 11,5%, а индифферентно к

ним относятся – аж 45,7% респондентов (при этом прослеживается обратно пропорциональная зависимость от возраста опрошенных). Два последних из названных вариантов выбирают политические абсентеисты, общий удельный вес которых снижается с 62,6% у юных до 48,1% среди пожилых.

Последний вопрос является контрольным для предыдущего и показывает наличие квалифицированного пассивного большинства (не стали бы принимать участие в массовых выступлениях в своем поселении 65,0% опрошенных).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о наличии несформировавшегося или неустойчивого мировоззрения у молодого поколения, склонного к тому же к максимализму и дихотомическому восприятию реальности. Радикальные, а тем более экстремистские взгляды категорически не приемлются всеми поколениями населения РТ, что позволяет удерживать межконфессиональную стабильность в регионе. Вместе с тем незначительная доля, прежде всего молодежи, может стать питательной средой для распространения крайних убеждений и радикальных акций (Мингазова, Беляев, 2017).

Заключение (Conclusions). Для минимизации таких негативных последствий мы предлагаем ряд мер, помимо выделенных в предыдущей статье (Беляев, 2018):

- внесение новелл в законодательство и в правоприменительную практику ЦПЭ при МВД РФ, призванных резко сузить экстремистскую характеристику почти любой критической деятельности, введение уголовного преследования за дискриминацию людей из-за их политических воззрений и деятельности;

- восстановление цельного и полного курса гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, социологии, политологии, истории) в вузах; включение в ежегодные отчеты профессорско-преподавательского состава вопросов профилактики экстремизма и терроризма с учетом их в балльной системе; экспертиза

учебных пособий, материалов и учебников, распространяемых в школах и вузах, на предмет исключения из них моментов, способных разжигать межрелигиозную напряженность и экстремизм;

- проведение в вузах соответствующих тематике статьи массовых опросов и качественных исследований с участием студентов и научных конференций.

В целом в борьбе против экстремизма можно придерживаться позиций умеренного оптимизма, если постоянно держать руку на пульсе у молодежи и вовремя минимизировать идейные и организационные предпосылки межконфессионального экстремизма.

Список литературы

Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012.

Беляев В.А. Эволюция терроризма и экстремизма в Республике Татарстан // Научный результат. Социология и управление. Т. 4, № 2. 2018. С. 3-12.

Беляев В.А., Мингазова А.М. Постмодернистские и псевдорелигиозные симулякры межпоколенческих отношений как источник воспроизводства социального сиротства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 178-186.

Грачев С.И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия. Н. Новгород: Институт ФСБ России, 2015.

Косов Г.В., Панин В.Н. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция. М.: Миракль, 2014.

Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 43-44.

Мингазова А.М., Беляев В.А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4.

Мухаметшин Ф.Х. Вступительное слово // Федерализм – глобальные и российские измерения. Международная научно-

практическая конференция. (Казань, сентябрь 1993 г.). Казань: ТГЖИ, 1993. С. 13.

Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАСАНД, 2013.

Тушкова Ю.В. Государственная политика по противодействию экстремизму в Великобритании: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2018.

Christmann K. Preventing Religious Radicalization and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence. Huddersfield: Youth Justice Board for England and Wales, 2012.

Coolsaet R. Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences. 2nd edition. Serrey: Ashgate Publishing Company, 2012.

Kumar D. Islamophobia and the Politics of Empire. Chicago: Haymarket Books, 2012.

Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1952.

Maximova O., Belyaev V., Mingazova A. Generational Features of Ethnic Personal Identification in a Multi-Ethnic Society // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6. Pp. 443-451.

Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // *Journal of Social Studies Education Research*. 2017. Vol. 8, № 2. Pp. 15-38.

Pickering R. Terrorism, extremism, radicalization and the offender management system in England and Wales in Prisons // *Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalization and Reform* / Ed. A.L. Silke. N.Y.: Routledge, 2014.

Posluszna E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2015.

Schmid A. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? Hague: ICCT, 2014.

Thomas, P. Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent. London: Bloomsbury Academic, 2012.

Trilling D. Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right. London-N.Y.: Verso Books, 2012.

References

Baal, N. B. (2012), "Political extremism of Russian youth and technologies of its overcoming", Abstract of D. Sc. Dissertation, N. Novgorod, Russia. (*In Russian*).

Belyaev, V. A. (2018), "Evolution of terrorism and extremism in the Republic of Tatarstan", *Research Result. Sociology and management*, 4 (2), 3-12. (*In Russian*).

Belyaev, V. A. and Mingazova, A. M. (2017), "Postmodern and Pseudo-Religious Simulacra of Intergenerational Relations as a Source of Reproduction of Social Orphanhood", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (4), 178-186. (*In Russian*).

Grachev S. I., Sorokin M. N. and Azimov R. A. (2015), *Terrorism: concepts, ideology, problems of counteraction*, Institute of FSB of Russia, N. Novgorod, Russia. (*In Russian*).

Kosov, G. V. and Panin, V. N. (2014), *Politicization of the religious factor in the context of regional security: the North Caucasian projection*, Mirakl', Moscow, Russia. (*In Russian*).

Levada, Yu. A. (2005), "Generations of the Twentieth Century: Research Opportunities", in *Fathers and Children: Generation Analysis of Modern Russia*, New literary review, Moscow, Russia, 43-44. (*In Russian*).

Mingazova, A. M. and Belyaev, V. A. (2017), "Types of Ethno-Confessional Identity and Tolerance among Students", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (4), 287-291. (*In Russian*).

Mukhametshin, F. Kh. (1993), "Introductory remarks", *Federalism – global and Russian dimensions. International scientific and practical conference*, Kazan', Russia, 13. (*In Russian*).

Petrishchev, V. E. (2013), *What is terrorism, or Introduction to Terrorism*, KRASAND, Moscow, Russia. (*In Russian*).

Tushkova, Yu. V. (2018), "State policy on countermeasures to extremism in Great Britain", Ph.D. Thesis, Kazan, Russia. (*In Russian*).

Christmann, K. (2012), *Preventing Religious Radicalization and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence*, Youth Justice Board for England and Wales, Huddersfield, UK.

Coolsaet, R. (2012), *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd edition, Ashgate Publishing Company, Serrey, UK.

Kumar, D. (2012), *Islamophobia and the Politics of Empire*, Haymarket Books, Chicago, USA.

Mannheim, K. (1952), *Essays on the Sociology of Knowledge*, Routledge & Kegan Paul, N.Y., USA.

Maximova, O., Belyaev, V. and Mingazova, A. (2018), "Generational Features of Ethnic Personal Identification in a Multi-Ethnic Society", *Astra Salvensis*, 6, 443-451.

Maximova, O., Belyaev, V., Laukart-Gorbacheva, O. (2017), "Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies", *Journal of Social Studies Education Research*, 8 (2), 15-38.

Pickering, R. (2014), "Terrorism, extremism, radicalization and the offender management system in England and Wales in Prisons", in Silke, A. (ed.) *Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalization and Reform*, Routledge, London-N.Y., UK-USA.

Posluszna, E. (2015), *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Schmid, A. (2014), *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?*, ICCT, Hague, Netherlands.

Thomas, P. (2012), *Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent*, Bloomsbury Academic, London, UK.

Trilling, D. (2012), *Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right*, Verso Books, London-N.Y., UK-USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ.

Мингазова Алия Маратовна, кандидат социологических наук, доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ.

Vladimir A. Belyaev, Doctor of Political Science, Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI.

Aliya M. Mingazova, PhD in Sociology, Associate Professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI.